

Образ отца в романе Андрея Белого «Котик Летаев»

Козлов Дмитрий Александрович

Студент Смоленского государственного университета, Смоленск, Россия

Роман Андрея Белого «Котик Летаев» создавался в период изучения антропософии Рудольфа Штайнера. Но, тем не менее, роман не стоит воспринимать как выражение взглядов «учителя». Белый не отказался ни от античного наследия, ни от Фридриха Ницше, ни от «симфонического» построения, и подобный «контрапункт воззрений» создает текст одного из самых сложных произведений Белого.

Эпизод «Бредовый Лабиринт», с которого начинается первая глава романа, на первый взгляд, повествует о начале зарождения сознания еще не родившегося ребенка. Первые образы напрямую связаны с матерью: «изрывалось сознание в мифах ужасной праматери; и потопа кипели» [Белый: 29]. Здесь проявляется первичная стихийность образа матери, которая позже сменится на статику. Затем праматер сменяет мифическая Мать, которая является некой оболочкой, формирующей тело Котика Летаева. Образы, связанные с матерью, доминируют в начале первой главы, но в момент зарождения сознания Котика Летаева присутствует одно упоминание, которое указывает на духовную связь с отцом еще до рождения: «...небывалости лежания сознания в теле ощущение математически точное...» [Там же: 27]. До обретения младенческого (или «хилого тела», по словам Белого), те процессы, которые происходят в сознание, первичны.

Лев-праотец – это первый устойчивый образ, связанный с отцом: «...посередине желтого круга мы встретились: я и Лев» [Там же: 39]. И при этом в конце главы упоминается об увлечении Фридрихом Ницше, а конкретно книгой «Так говорил Заратустра». Лев у Ницше – второе из трех превращений духа: первое – верблюд, третье – ребенок, который у Ницше – вершина и воплощение сверхчеловека, а сверхчеловек – это богочеловек. Ребенок, по Ницше, более высокая ипостась духа: «Дитя есть невинность и забвение, новое начинание, игра, самокатящееся колесо, начальное движение, святое слово утверждения» [Ницше: 19]. Так и у Белого соблюдается эта нить становления духа человека от более простого к более сложному, от «недочеловека» к «сверхчеловеку»: ведь до льва «не было ничего отчетливого», а в конце обретения высшего мира – дети: «Я в последствии видывал желтый песочный кружок – между Арбатом и Собачьей Площадкой, и доселе увидите вы, проходя от Собачьей Площадки, обсаженный зеленый круг; там сидят молчаливые няни; и – бегают дети» [Белый: 39]. Лев и ребенок – это единый дух, перевоплощение которого не означает потерю связи с предшествующим.

К эпизоду «образование действительности» Котик Летаев полностью познакомился со всей своей родней. И дальше образ отца – профессора Летаева – буквально вспыхивает, и ребенок определяет поведение своего отца как поведение «непапы»: «Он – огнедышащий: папа Непапа» [Там же: 44]. Страх, который вызывает у Котика Летаева «непапа», создает впечатление, что профессор Летаев – отрицательный персонаж в детстве своего сына. Летаев-старший обладает одновременно и признаками вулкана, и признаками дракона. «Огнедышащий папа» и «непапа» – это состояния, в которых пребывает отец в эти минуты, когда ему «непапится», он едкий, придирчивый и строгий.

Но можно рассматривать огонь не как страх Котика Летаева, а с точки зрения учения Гераклита, ведь сам Летаев младший называл себя «Старым Гераклитиканцем». По Гераклиту мир – вечно живой огонь, мерно загорающийся и мерно потухающий. То есть Михаил Васильевич со всей своей «огненностью» тождественен миру и является одним из его первоначал, а страх Котика Летаева – это постепенное осознание масштабности фигуры своего отца. Связь со своим «огненным» отцом Котик Летаев подтвердит позже, в третьей главе: «Очень я любил повторять со слов мамы, что, когда меня подносили к окну, я увидел вспыхнувший газ в колониальном магазине

Выгодчикова, разволновался, затрясся и торжественно произнес свое первое слово: «Огонь...» [Там же: 62].

Следующая метаморфоза – Отец-Гефест: «и свое понимание папы определил – он Гефест» [Там же: 48]. Переход от «огненного непапы» к Гефесту, греческому богу огня и кузнечного дела, кажется вполне естественным, так как античная мифология уже встречалась в предыдущей главе, но профессор Летаев стал первым персонажем романа, которого сравнили с богом.

Апогеем развития образов отца и сына в романе становится еще один рассказ Котика Летаева: «Папа раз к нам пришел; наклонился над лобиком толстеньким томиком в переплете; прочел мне из томика об Адаме, о рае, об Еве, о древе, о древней змее, о земле, о добре и о зле:

и я думаю:

об Адаме, о рае, об Еве, о древе, о древней змее, о земле, о добре и о зле...» [Там же: 119]. Михаил Васильевич вносит в жизнь сына новые знания; новое учение грядет в жизни Котика. Все эти бури образов открывают озаренную христианскую текстовую ткань, где Котик Летаев – Иисус, а профессор Летаев – Бог-Отец. Заключительный эпизод – «Распятие». Все страхи, которые преследовали Котика Летаева на протяжении всего романа, мгновенно сошлись к одному моменту в его жизни: «когда косматая стая старцев, шепчась и одевая печально шершавые шубы, уйдет от меня, то-

-то придвинется стая женщин с крестом: положит на стол; и меня на столе, пригвоздят к кресту» [Там же: 153]. Профессор Летаев дает своему сыну букварик – Ветхий Завет. Котик Летаев полностью осознает неотвратимость распятия, ведь он знает о нем от своего отца: «О распятие на Кресте уже слышал от папы я.

Жду его» [Там же: 153].

Все в жизни Котика свелось к одному всеобъемлющему чувству ожидания того, чтобы «Во Христе умереть, чтоб в Духе воскреснуть»...

Роман «Котик Летаев» более всего соответствует одному из любимых тезисов Андрея Белого о том, что смысл искусства – только религиозен. И христианство по Белому – это не только высшая точка развития духа в личности, это предельная точка развития всего человечества. Образ отца в данном романе позволяет проследить цепочку становления мировоззренческих взглядов Андрея Белого.

Литература

Белый А. Собрание сочинений: В 6 т. М., 1997. Т. 5.

Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 2.